

Из моих охотничьих воспоминаний

Вероятно, с каждым охотником случаются особенные происшествия, — исключения из общих правил; происшествия, возможные в одном месте и не повторяемые в другом. Эти редкие, особенные случаи иногда бывают любопытны, по крайней мере для охотников. Я расскажу в таком роде, что припомню.

Десять лет тому назад, в 1847 году, в последних числах апреля (именно 23 числа) я уезжал из своей тамбовской деревни в Москву. По дороге мне вздумалось завернуть к одному соседу-помещику, с которым мы кое-когда вместе охотились.

Приближаясь к его дому, я увидел заложенную тройку, а войдя в дом, нашёл хозяина собирающимся на охоту: он делал патроны, оглядывал ружья (именно ружья, а не одно ружьё, что и обратило тотчас моё внимание). Стоявшая на столе в тарелке дробь была очень крупна.

«Куда это вы?» — спросил я.

— Еду, батюшка, на небывалую охоту: на *гусиную тягу*, сам в первый раз пробую. Не хотите ли, поедем вместе?

Видеть сборы, готовую тройку и отказаться от охоты, притом от небывалой, от какой-то *гусиной тяги* — дело для охотника невозможное. Я велел отпрячь своих лошадей, достал ружьё, которое почти всегда со мною ездит (ружьё обыкновенное, двуствольное на красную дичь), да кроме того, по совету хозяина, взял у него со стены длинную одностволку, переданную из французского ружья двенадцатого года. Хозяин мой запасся целой тройкою ружей. Мы наклали в карманы патронов, сели и поехали в степь.

Это было, как я уже сказал, в начале весны. Степь представляла ряды серых взборуждённых десятин, ещё не тронутых весенним плугом. Кое-где торчали былки сухой прошлогодней травы. Местами светились лужи от недавно растаявшего снега. Инде эти лужи, в сырых и низких местах степи, были довольно велики, образуя род озёр.

Проехав вёрст с пятнадцать, мы остановились у нескольких подобных озёр, через которые, как говорили, тянут гуси по вечерам, с одной стороны степи на другую; а потом, утром, возвращаются тем же путём назад. (Я говорю *тянут*, как выражался мой сосед.) Иные, летя, присаживаются на озёра и пробывают на них целую ночь.

Мы приехали рано, часов в пять, вследствие нетерпения моего хозяина, а частью и вследствие неопытности, тогда как нужно приехать к самому закату.

Мой приятель усадил меня на берегу озера (разумеется на солому, которой было захвачено довольно на особой телеге) и советовал мне обтыкаться былками сухой травы. Не зная в чём дело, я должен был слушаться беспрекословно и пошёл набирать между бороздами сухих былок. Ноги вязли глубоко в рыхлом и сыром чернозёме; но едва я сделал шагов двадцать от своего сиденья, как начал подымать бекасов. Их урчание, волнующее охотничье сердце, наполнило тишину степи, где, казалось, мы были решительно одни, с двумя экипажами, да и те отъехали далеко в сторону, и там изредка слышалось только позвякиванье конских бубенчиков — единственный звук, который долетал до нас... и вдруг никем неожиданные бекасы! Товарищ мой, начавший тоже улаживать себе седалище, не выдержал, поднялся и подошёл ко мне. Мы стали советоваться, что делать с крупной, гусиной дробью по бекасам? Да и стрелять ли? Как бы не повредить гусиной тяге? Ну, как услышат гуси нашу пальбу и не прилетят. Но где эти гуси? Я оглянулся по всей бесконечной степи, которая раскидывалась кругом со своими серыми бороздами: ничего не было, кроме степи! никаких птиц, ни куста, ни звука! Одна степь и больше ничего. Признаюсь, плохо верилось в гусей. Мы оба, с товарищем, вспомнили пословицу: «не сули журавля в небе, дай синицу в руки!» — и пошли по бороздам, забыв совсем,

что у нас крупная дробь. Бекасы тотчас стали подыматься опять. В каких-нибудь полчаса мы набили пар десять, выпустив, конечно, второе зарядов; но боясь, что ничего не останется на гусей, решили прекратить путешествие по бороздам, наломали былок и, устроив из них вокруг своих седалищ род частокола, поместились сперва в одном общем логове, и стали рассматривать набитую дичь, выкладывая её рядком (что доставляет охотнику большое удовольствие) и болтая о разных разностях. Иные птички были разнесены вдребезги: остались только нос да ноги. Между бекасами попало два гаршнепа.

Мы просидели таким образом довольно долго. Когда стало вечереть и солнце было уже недалеко от горизонта, мы увидели на противоположной стороне, также на самом горизонте, длинную вереницу гусей, которая летела, так сказать, над самым краем степи, едва-едва до него не касаясь. Это оживило нас внезапно, уже начинавших сильно сомневаться в гусиной тяге. Мы тотчас разошлись по своим гнёздам и осмотрели в сотый раз оружие. Я наблюдал в особенности за французской одностволкой, чтобы с ней чего не случилось, чтобы как не отсырел порох на полке: одностволка была с кремнем!

с. 4 Через несколько минут ещё протянула вереница гусей по тому же направлению. Потом, с противоположного конца, тем навстречу, вытянулась другая. В воздухе темнело. Солнце уже опустилось за горизонт. Немного погодя мы увидели ещё несколько верениц, летевших в ту же сторону и терявшихся в одном и том же месте, прямо противоположном закату. Куда слетались эти гуси и откуда, мы решительно не знали и почему-то постоянно открывали их появление только близ сборного пункта всех станиц, где они, как надо было думать, садились. Тишина разлегалась невероятная. Было что-то поэтическое в этой тишине, среди широких, необозримых полей. Ещё прошло несколько минут и мы услышали отдалённые крики и гоготанье гусей. Эти крики подействовали на меня необыкновенным образом. Я весь проникнулся тёмною, засыпающею степью, весь отдался этим голосам, как будто они были голосами самой степи, её волшебными, увлекающими зазывами.

Не помню, сколько прослушал я степное гоготанье. Кажется, это было не долго. Со стороны, откуда неслись голоса, показался одинокий гусь. Мой товарищ дал мне знать тихонько, чтобы я, ради Бога, отнюдь не стрелял и не шевелился: «Это адъютант!»

Был ли это действительно адъютант — посланный на рекогносцировку, или случайно прилетевший гусь, — я не знаю; но говорят, так бывает всегда. Адъютант сделал круг над нами, как будто осматривал местность, нет ли недобрых гостей; потом спустился на одно озеро, посидел минут пять, как казалось, на берегу; затем поднялся и полетел обратно, откуда прибыл. Мы скоро потеряли его из виду, потому что небо в той стороне, куда он полетел, стало очень темно. Немного погодя ночь опустилась совсем. Мы перестали видеть друг друга. Всё, кроме неба и местами светившейся воды, погрузилось в непроницаемый мрак, и тут я увидел до какой степени было бесполезно собиране былок и забавная городьба частокола. Впрочем, без этих былок мы бы не видали бекасов.

с. 5 Вскоре в воздухе начали посвистывать крыльями, в своём быстром полете, утки, которые падали там и там на воду, как будто теряясь в волнах. Сколько ни глядели мы на светившиеся плеса: нигде не было заметно присутствия ничего живого — ни плеснёт, ни зарябит поверхность озера, а казалось, утки падали в десяти саженях. Это происходило от неверности и неопределённости блеска воды на освещённых местах, и притом освещённых очень слабо, вследствие отражения неба. Далеко ли, близко ли была иная освещённая полоса, кто её знал; видно было только, как что-то светилось. По временам раздавался пронзительный крик сузя; или покрывала простая утка — и опять наступало безмолвие ночи.

Вдруг мимо нас, как казалось, саженях в двадцати, [43 м] пронеслось шумящее стадо гусей; но мы их не видали. Потом я услышал точно такой же шум над головою, взглянул вверх и увидел на свет неба тёмные фигуры больших птиц, летевших довольно тихо, саженях в тридцати или сорока от земли. Я выстрелил мгновенно в середину кучки; гуси загоготали, немного приостановились, покружили на месте и потом понеслись по тому же направлению. Я выстрелил в другой раз. Стадо пропало из виду в темноте и потому нельзя было заметить, ранил ли я хоть одного гуся, или нет; а что наповал не было убито, в этом я не сомневался.

Едва я взял в руки другое (одноствольное) ружьё, как услышал новый шум с той же стороны и увидел над собою такое же стадо (гусей десятков). Я приложил к плечу громадную фузею, вовсе не ожидая, что она выстрелит — фузея грохнула на всю степь, стадо загоготало, смешалось, и я заметил, как отделилась одна птица и пошла книзу. Я бросился к тому месту, где она тяжело шлёпнулась в грязь. Гусь повалил немного головой и протянулся без движения.

Я схватил добычу, не слыша под собою ног, и пустился бегом к своей засаде. Что делал во всё это время мой товарищ, стрелял или нет, я решительно не помню.

Уложив гуся в сторонку, я принялся заряжать ружья, но это было неловко делать сидя, а вставать было не велено. Однако я встал и только что приступил к заряданью, как опять послышался шум крыльев: гуся, стадо за стадом, как и прежде, штук по десяти, и всякий раз в кучке, с одним гусём наперед, — пролетели раз пять у меня над головою. Иные кучки неслись мимо и этих я не видал. Тут я слышал, как товарищ мой сделал несколько выстрелов, но убил ли он, этого видеть было невозможно. Так же точно и он не видал, как я убил гуся и как за ним бежал.

с. 6

Выстрелы соседа, шум налетающих гусиных кучек смутили меня необыкновенно. Я засовался впотьмах и рассыпал порох и дробь. Между тем ещё пронеслось стада три и этим всё кончилось. Зарядив ружья, мы оба с моим невидимым приятелем просидели довольно долго, напрасно дожидаясь гусей. Наконец мы перекликнулись и решили ехать. Оказалось, что и он убил гуся и тоже из длинной одностволки. Мой гусь, как заметили после, был убит всего одной дробинкой в хлуп.

Так кончилась эта оригинальная охота. Мой товарищ рассказывал мне при новой нашей встрече, года через два, что он ещё раз охотился на той же степи точно таким образом, и даже на том самом месте. Гуси собирались в прежнем углу и летели на охотников по той же самой линии. Иные садились на озёра. Одинокий гусь прилетал так же.

Но эти два случая не дают права сделать какое-либо заключение. Что это за ночные перелёты? Откуда появляются гуси? Для чего нужно им прежде слететься в одном месте, а потом пускаться в путешествие через озёра? Куда, наконец, они летают? Где живут и держатся во время дня? Сосед мой сказывал, что какие-то охотники ежегодно выезжают об эту пору в степь и стреляют гусей таким способом, усаживаясь на разных озёрах. Гуси не изменили им ни разу.

Другой случай, несколько особенный между охотничьими похождениями, был со мною на берегах Плещеева озера, в конце августа, того же 1847 года.

Проезжая в это время через Переяславль-Залесский и имея надобность в нём остановиться, я в первый же вечер взял ружьё и пошёл на озеро, чтоб сделать несколько выстрелов по какой-нибудь прибрежной дичи.

с. 7

Пройдя Рыбацкой Слободой по левому берегу Трубежа, я повернул влево, мимо каких-то купален, над которыми склонялись многолетние густые ивы, придающие этому месту особенную прелесть, — и очутился на берегу широкого и великолепного Плещеева, красивее которого я не видал ничего между русскими озёрами. Это царь наших озёр. Невозмутимо чистое и светлое, оно никогда не подёргивается плесенью, и говорят, посредине, на двадцати-саженной глубине, виден каждый камень. Всё дно озера бело и гладко, как мраморное. Есть предание, что Плещеево не терпит в себе никакой нечистоты и выбрасывает всё, что в него уронишь.

Я шёл и любовался чистой поверхностью чудного озера, окаймлённого круглыми, правильными берегами. Вдали, верстах в десяти, по ту сторону озера, белел монастырь в туманной зелени окрестных лесов. Бесчисленные стада уток перелетали с одного места на другое под берегами озера. Иные уносились и терялись вдали. По белым песчаным отмелям, затынутым лёгкой сетью трав, бегали какие-то кулички. Другие, красноватые, целыми тучами перемещались с мыска на мысок и так же, как утки, зыблясь над озером в виде какого-то бурого тумана, иногда пропадали вдали...

Увлёкшись этими картинами, я не слышал своего дыхания. Казалось, кто-то нёс меня всё дальше и дальше, а город уходил и уходил назад. Здания налево редели. Наконец пошли простые низенькие домики, напоминающие деревню. К ним примыкали длинные огороды. Я шёл прямо, вблизи озера, то по белым пескам, то зелёным кочкарником, который достигал вплоть до огородов и домиков влево. Стада возвращались в город, двигаясь по этому кочкарю тихо и лениво, как будто и они наслаждались вечером и видом на озеро. Пастухи, казалось, не двигались вовсе. Ступит шаг, обопрётся на свой длинный посох и глядит на озеро. Иной ляжет и смотрит лёжа. Но не один не глядел назад, в город; гладкая равнина воды, с её перелётными обитателями, была для них занятнее всего окружающего, хотя на неё они глядели всякий день, много лет сряду...

с. 8

Один из пастухов, увидав меня, стал манить и всё указывал на озеро. Я скоро разглядел несколько уток под самым берегом и пошёл на них прямо, без всякой осторожности. Но было ещё далеко. Вдруг из-под меня взвился бекас, потом другой, через шаг третий. Я сбросил с плеча ружьё — и тут ещё взмыло два бекаса рядом. Выстрел грянул и один бекас остался.

Странная была местность: несколько сырой луг, мочажина с небольшой ржавчиной, мочажина не так обширная, среди песков и сухого кочкаря, в двух шагах от последних строений города. Взглянув через соседний огород, я увидел дорогу, по которой беспрестанно гремели телеги и двигался народ — и тут бекасы! Нечего говорить, что это было пролётное стадо, убиравшееся в тёплые страны.

Разумеется, я забыл об утках, хотя пастух продолжал меня манить и стал наконец кричать, полагая, что не вижу его знаков.

Я зарядил выстреливший ствол и двинулся вперёд. Не более как через пять шагов взлетело несколько бекасов вдруг. Я убил только одного, а остальные полетели влево, на капустный огород, находившийся от меня шагах в семидесяти, много-много во ста.

с. 9 Я сделал ещё выстрелов с десятков, сколько убил, не помню, но те, по которым я промахнулся, улетели также на огород. Это было для меня совершенною новостью. От роду не видывал я, ни прежде, ни после, чтобы бекасы садились в капусту и притом подле строений и дороги. Распугав их довольно много, так что в мочажине почти не осталось ничего, я решился отправиться на огороды. Перелез через плетень и тотчас увидел какую-то старуху, попавшую между грядками. «Позвольте, матушка, пострелять у вас на огороде!» — сказал я ей. — «Изволь, батюшка, — отвечала старуха: — только меня не застрели!»

Я пошёл теми грядками, где, как заметил, спускались бекасы (это была капуста, и больше ничего). Очень скоро вскочил бекас — я его убил и пошёл дальше. Вскочил другой — я убил и этого. Всех на огороде я поднял до десятка таких, по которым можно было стрелять. Иные поднимались далеко, иногда вследствие моего выстрела по другим. Я сделал очень мало промахов, но должно и то сказать, что все эти бекасы летели как-то глупо и вяло, совсем не по нашему, по-московски, где бекас режет как молния, вероятно потому, что крепко настёган.

Когда я стрелял, старуха всякий раз поднималась, как будто кто её дёргал, и говорила: «Ты смотри, уточку-то стреляй, да меня не застрели!»

Многие из прохожих останавливались на дороге, что была по ту сторону огорода, и смотрели, как я стреляю. К счастью, бекасы летели не на них, а то нельзя было бы стрелять.

Не знаю, долго ли бы я потешался этой странной охотой, если б не наступил вечер и не вышли патроны. Я снова перелез через плетень, погрузив бекасов в карманы пальто, потому что, не рассчитывая на серьёзную дичь, я не взял ягдташа. Бекасиные ноги и носы приятно торчали у меня из карманов и я весело маршировал в город.

Когда я приближался к повороту на Трубеж, из города вышел какой-то поздний охотник, одетый по всей форме и с собакой! Мы скоро встретились и невольно заговорили друг с другом. Он сейчас увидел, что я приезжий, и потому, конечно, не думал, чтобы я напал на дельное место и хорошую дичь. Отсутствие ягдташа и собаки давало ему ещё более права так думать.

«Вы, верно, ничего не нашли», — сказал он мне.

— Нет, я нашёл бекасов.

«Не ошибаетесь ли вы, — продолжал он: — у нас есть порода куликов, очень близкая к бекасам».

с. 10 Вместо всяких возражений я достал за ножки пару благородных птиц. Охотник, казалось, не верил глазам и, после внимательного осмотра, сказал с расстановкой: «Да, это бекасы!»

Его удивление и слова подтвердили мою мысль, что найденные мною бекасы была пролётная дичь, случайно спустившаяся на мочажину, где летом, может быть, нет и бекасиного пера.

Охотник стал меня расспрашивать, в каком месте я напал на такое сокровище; но я, рассчитывая охотиться по этим бекасам на другой, а если можно, и на третий день, — грешный человек! — направил его совсем в другую сторону. Эта часть окрестностей Переяславля была мне знакома и потому я мог говорить подробно и легко обморочил доверчивого стрелка.

Придя на мочажину в следующий вечер, я убедился, что охотник там не был. Бекасы летели почти в таком же количестве и так же укрывались в капусту.

На третий день я поднял их очень мало: штук пять, не больше. Мне вздумалось пройти дальше: не найду ли где-нибудь бекасов в другом месте. Но я проходил напрасно вёрст пять, кружа между кустами по разным небольшим болотцам, которые на вид были несравненно лучше той мочажины, где я стрелял так удачно два дня.

Возвращаясь берегом озера в нескольких сажнях от воды, по мелким, по чрезвычайно частым кустам, я двигался очень медленно и наконец решился попробовать сойти в озеро и идти самым краем по крепкому песчаному дну. Это оказалось очень удобно. Я шёл точно по тротуару, слегка смоченному дождём. Нога едва отпечатывала след. Воды большею частью

не было вовсе; а где она и показывалась тонким слоем, то не доставала мне и по щиколотку. Сапоги, разумеется, были охотничьи. Местах в пяти по всей дороге я встретил бьющие из гор сильные ключи, впадавшие в озеро. Я пил всякий раз из них воду, очень холодную. Два раза она имела резкий железистый вкус.

Как чисто было озеро, не рябимое ни малейшим ветром! Трубеж лёгкой полосой обозначался посередине. А под ногами у меня был всё тот же белый, песчаный тротуар, понижавшийся чуть заметным, постепенным скатом влево к озеру. Нигде ям и уступов. Застрелив на одной отмели кулика, саженьх в тридцати от меня, я дошёл до него по воде, не углубившись в самом конце более четверти. Пройдя таким образом версты три, я вышел на берег близ того места, где стрелял бекасов, и воротился в город обыкновенной дорогой.

Ещё могу рассказать, как оригинально случилось мне убить утку, среди зимы.

В конце 1846 года я жил в одной из деревень центральной России. Зима никак не устанавливалась. Выпадавший снег беспрестанно сходил и только в декабре стали реки; но около половины этого же месяца опять сделалось тепло и пошли дожди. На середине реки Вороны образовалось несколько естественных прорубей, в виде узких и длинных озёр, и на этих озёрах начали являться дикие утки. Где они до той поры держались, неизвестно.

Я пошёл однажды с ружьём вдоль по реке, льдом, и увидел на одном из таких озерков пару уток. Они поднялись тотчас, лишь только я показался на загибе реки, саженьх во ста от них, если ещё не больше. Идя осторожно далее, подле самого берега, откуда свешивались мелкие кусты, конечно, уже лишённые листьев, но всё-таки заслонявшие меня немного, — я скоро увидел опять тех же уток, на озере (я называю так прорубь среди льда, весьма похожую на озеро), имевшем в длину сажень пятьдесят. Утки сидели в противоположном от меня конце. Поравнявшись с началом озера, я остановился и сел в одном кусте, от которого до озера был обыкновенный ружейный выстрел. Утки, как казалось, видели меня и, начиная плыть по озеру, вдруг ныряли и являлись снова там, где сидели прежде. Это повторялось несколько раз. Наконец одна, как видно, посмелее, проплыла половину озера и, нырнув, соединилась с той, которая оставалась на месте. Немного погодя она поплыла опять и проплыла несколько дальше, но также нырнула и явилась в конце озера. В два, в три таких приёма она показала наконец против меня, беспокойно вертась и поминутно ныряя на одном и том же месте. Я сидел как истукан, но в те мгновения, как она скрывалась под водою, я наводил ружьё сквозь ветви, останавливаясь всякий раз в таком положении, в каком заставляла меня вынырнувшая утка. Наконец я навёл ружьё, выстрелил и убил утку наповал; её понесло течением к другому концу и тут я вынул её ружьём. Она вся была жёлтая от жиру и перья на груди отделялись от малейшего прикосновения. Когда я бросил её на лёд, вся грудина от сотрясения обнажилась. — Всё это, однако, тянулось долго, и охотнику нужно было особенное «зимнее» терпение, чтобы подсидеть эту утку. Когда я сидел, совершенно погруженный в наблюдения над хитрой и осторожной птицей, я ничего не замечал, но вставши увидел, что слой снегу, довольно толстый, протаял подо мной до самой земли и образовалась чёрная яма.

с. 11

с. 12